

Глава 6

Против журнала. Поэт как герой. «Стихотворения Н. Некрасова»

1

В письме Л. Н. Толстому от 31 марта — 1 апреля 1857 года Некрасов писал:

Делать я пока ничего не делаю, кстати скажу, что я был серьезно обижен тем несомненным фактом, что все мои литературные друзья в деле о моей книге приняли сторону сильного, обвиняя меня в мальчишестве. Ах, любезный друг! Не мальчишество на этом свете только лежание на пуховике, набитом ассигнациями, накраденными собственной или отцовской рукой. Как бы ни были мои стихи, я утверждаю, что никогда не брался за перо с мыслью, что бы такое написать или как бы что написать: позлее, полиберальнее? — мысль, побуждение, свободно возникавшее, неотвязно преследуя, наконец заставляло меня писать. В этом отношении я, может быть, более верен свободному творчеству, чем многие другие. Да и такие вещи написал я не все — в моих бумагах можно найти целую серию недооконченных пьес. Все это говорю к тому, что изменить характера своего писания я не могу, так же, как Вы не можете разделять убеждений гг. Гончарова и Дружинина, хотя меня в том и уверяли как в несомненном, — а потому не ждите от меня ничего по части стихов, что бы пришлось по вашему вкусу (14, 2, 67–68).

Заключительные утверждения этого фрагмента о свободе некрасовского творчества не раз становились предметом обсуждения исследователей, видевших в нем и отражение усиливавшегося в это время влияния на Некрасова Чернышевского¹, и ценную автохарактеристику самого поэта². Однако повод, по которому сделаны «программные» заявления, остается, как ни странно, неясным. Комментарий к этому фрагменту в Полном собрании сочинений Некрасова неверен: «Речь идет о перепечатке в “Современнике” (1856, № 11) ряда произведений Некрасова из его “Стихотворений” (1856), вызвавшей цензурные гонения» (14, 2, 216). Очевидно, речь в этом пассаже не может идти о перепечатке, поскольку она была сделана не Не-

¹ Лебедев Ю. В. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Некрасов // Лебедев Ю. В. В середине века. М., 1988.

² Например, см.: Краснов Г. В. Диалектика творческих связей (Некрасов и Лев Толстой) // Некрасов и русская литература. М., 1971. С. 329.

красовым, а Чернышевским, что, конечно, Толстому было известно (хотя бы от Тургенева или Дружинина³). Некрасов, вне всякого сомнения, говорит об издании самого сборника (поскольку в тексте некрасовского письма говорится о «деле о моей книге», а вовсе не о «перепечатке»), которое и характеризуется как «мальчишество». И именно поэтому данный фрагмент нуждается в более точном и внимательном комментарии.

Дело в том, что если в отношении Чернышевского и его поступка некрасовские слова выглядели бы вполне естественно, то, примененные к самому поэту, они выглядят странно. Во-первых, если перепечатка стихотворений, действительно, выглядела легкомысленной дерзостью, и в этом смысле «мальчишеством», то публикация самого сборника, разрешенного цензурой, под такое определение вроде бы не подходит. При этом, поскольку нет свидетельств того, что «литературные друзья» действительно обвиняли Некрасова в чем-то подобном, видимо, мы в данном случае имеем дело с авторо-характеристикой. В каком смысле надо понимать тогда это определение, почему Некрасов называет издание своих стихов отдельной книгой, «мальчишеством»? Во-вторых, на фоне коммерческого и читательского успеха сборника⁴ требует объяснения и декларация собственного бескорыстия, противопоставление издания сборника «лежанию на пуховике, набитом асигнациями, украденными собственной или отцовской рукой». В этой главе мы ответим на вопрос о том, что имел в виду Некрасов, характеризуя свой зрелый и успешный издательский проект как мальчишеский, бескорыстный поступок.

2

Всякое коммерческое предприятие для успеха нуждается в благоприятных условиях, конъюнктуре. Что, с точки зрения Некрасова, являлось благоприятной конъюнктурой для такого проекта, как издание поэтического сборника? Чтобы понять это, необходимо проанализировать литературные взгляды Некрасова конца 40-х — первой половины 50-х годов (до и после выхода в свет «Стихотворений Н. Некрасова»). Как ни парадоксально, в основе этих взглядов — признание того, что поэзия имеет принципиально «неком-

---

³ О позиции Толстого в круге писателей, близких к «Современнику», см.: *Эйхенбаум Б. М.* Толстой в «Современнике» // *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1974.

⁴ Сводка сведений об успехе сборника в кн.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Некрасова. Т. 2. М.; Л., 1950. С. 217–218.

мерческий» характер. Размышляя о том, почему в современной литературе практически отсутствуют поэтические произведения в статье «Русские второстепенные поэты» (1849), Некрасов видит причину этого в практицизме современной эпохи, определяющем ее культурные запросы: «Теперь эпоха положительная. Каждый литератор естественно хочет извлечь наибольшую выгоду из своего таланта, а при всеобщем равнодушии к стихам <...> конечно, проза представляет более удобств в этом отношении <...> И сознавая, что в наше время только поэтический талант, равный пушкинскому, мог бы доставить автору и Славу и Деньги, он предпочитает распорядиться иначе: поэтическую искру свою разводит он на множество прозаических статей; он пишет повести, рецензии, фельетоны и, получая за них с журналистов хорошие деньги, без сожаления видит, как поэтическая способность его с каждым годом уменьшается...» (11, 2, 33–34). Именно благодаря своим экономическим преимуществам, проза берет верх над стихами в творчестве современных литераторов, вместе с веком утративших высокие идеалы бескорыстного служения искусству.

Тем не менее поэзия, по Некрасову, сохраняет свое значение в литературе. Она отвечает универсальной внутренней потребности человека именно благодаря своей идеалистической непрактичности. Так, в той же статье «Русские второстепенные поэты» Некрасов пишет: «Как ни толкуют о положительности нашего времени, мы уверены, что хороший поэт был бы совсем не лишним в настоящей русской литературе <...> Итак, потребность стихов в читателях существует несомненная» (11, 2, 34–35). Такие взгляды были свойственны Некрасову на протяжении всего периода, предшествующего изданию его собственного сборника стихотворений. В рецензии на «Дамский альбом, составленный из отборных страниц русской поэзии» (1854) Некрасов высказывает ту же мысль: «Поэзия — лучшее украшение всякой литературы, поэзия — венец возможного человеку творчества, поэзия — источник самых высоких, прекрасных и чистых наслаждений, какие когда-либо испытывал и будет испытывать человек» (11, 2, 108). Это означает, что причина отсутствия поэзии заключается в публике, которая не понимает своих собственных потребностей. В той же рецензии на «Дамский альбом» приводится письмо от неназванного читателя, которое сочинил, конечно, сам Некрасов. Это «письмо», вне всякого сомнения, отражает его собственные взгляды: «Новейшее время не только не произвело ни одного великого поэта, но даже гонит тех, которые у него есть <...> оно стремится во что бы то ни стало, наперекор человеческой природе, стать во враждебные отношения к поэзии» (11, 2, 100–101). Для того, чтобы поэзия снова

заполнила прилавки книжных магазинов, нужна новая публика, которая ощутит потребность в стихах. Чтобы расцвел «идеалистический» вид литературы, нужна новая «идеалистическая» публика, для которой «самые высокие, прекрасные и чистые наслаждения» снова станут реальной повседневной потребностью.

Причина отсутствия интереса к стихам заключается и в самой поэзии. По Некрасову, поэту сейчас трудно добиться признания не только из-за прагматического характера века, но и из-за редкости среди современных поэтов обладателей подлинной индивидуальности. Поэзия стала теперь слишком легким делом. Писать стихи могут теперь многие, многие обладают способностями, многие достигают того уровня, на котором стихи становятся вполне грамотными и профессиональными. Но теперь этого мало для того, чтобы даже просто быть напечатанными. Так, в уже не раз упоминавшейся статье «Русские второстепенные поэты» Некрасов утешает авторов несостоявшихся поэтических публикаций: «В редакцию “Современника”, как и во все редакции журналов, присылаются нередко стихотворения; если авторы, не видя своих произведений напечатанными, думают, что мы считаем их всех без исключения людьми без таланта, то мы спешим успокоить их: в некоторых из присланных к нам стихотворений заметны признаки таланта несомненного; не печатаем же мы их, во-первых, потому, что таких стихотворений мало, а во-вторых, и главное, потому, что, обнаруживая талант, почти ни одно из этих стихотворений не обнаруживает самобытности. Это не мешает автору писать их: совершенствуя свой талант, он может достигнуть самобытности, — но мешает дельному журналу печатать их» (11, 2, 35). Наличие самобытности таланта становится важнейшим требованием, предъявляемым к стихам в «Современнике». В резолюции на рукописи стихотворений Н. А. Арбузова (1851) Некрасов пишет: «Стихи эти недурны и обличают в авторе некоторый талант, но содержание слишком старо и незначительно, а главное — не заметно признаков чего-нибудь самобытного. Извините за откровенность» (13, 2, 126).

Проблема поэтической индивидуальности в сознании Некрасова при этом не сводится к индивидуальности манеры, стиля. Как показывает следующий фрагмент из рецензии на «Стихотворения Я. П. Полонского» (1855), для Некрасова нет строгой границы между человеческой индивидуальностью и своеобразием поэтического стиля: «В наше время писателю, чтоб достойно проходить литературное поприще, недостаточно одного таланта; самая личность его много значит». (11, 2, 137). Причиной внимания к личности поэта является тот самый присущий поэзии «идеализм». Она

требует бескорыстия от самого поэта — качества, редко встречающегося в «положительную эпоху». В целом особенно в середине 50-х годов яркая личность становится едва ли не наиболее достойным предметом литературы. Так, Некрасов высоко оценивает задачу, поставленную перед собой создателем книги «О жизни и трудах Дорджи Банзарова» (1855): «Нельзя в заключение не поблагодарить г. Савельева за его брошюру. Он сделал ею хорошее дело — совершенно бескорыстно, потому что она немного найдет покупателей. Но подобные случаи и не должны служить предметом спекуляции; тут дело не в покупателях, а в сохранении в литературе следа замечательной личности» (11, 2, 140). Здесь яркость изображаемой личности соответствует бескорыстию писателя, издавшего ее биографию.

Чтобы привлечь внимание современного читателя, поэт должен обладать яркой поэтической и человеческой индивидуальностью. Такое требование сочетается с тенденцией, появляющейся в некрасовской публицистике первой половины 50-х годов. Мы говорим о критике им журнала как литературного института, из-за своей специфики требующего больше материала, чем может предоставить современная литература. В статье «Заметки о журналах за февраль 1856 года» можно встретить такие своего рода лирические признания издателя: «Не совсем печально быть журналистом... Кто испытал муку, и стыд, и тоску недовольства, печатая вещи, недостойные печати, кто по сту раз читал и перечитывал и бросал под стол иную рукопись, а кончал-таки тем, что со скрежетом зубов посылал ее в типографию...» (11, 2, 233). Из такого признания не полной адекватности журнала состоянию современной литературы вытекала и критика его как коллективной формы, препятствующей выявлению поэтической индивидуальности и установлению правильных иерархий и взглядов на современную литературу. Некрасов осознает, что журнал, в частности «Современник», превратился в нечто вроде самостоятельной величины, со своей репутацией, «кредитом», со своей читательской капитализацией имени⁵. Если раньше репутация «Современника» и его имя создавались именами писателей, которые в нем участвовали, то теперь журнал может создавать репутацию тем, кто в нем напечатается, независимо от степени их таланта и оригинальности. Единственный выход, с точки зрения Некрасова, — не только не печатать средних стихов, но и строго подписывать каждую публикацию, не перекладывая ответственность за ее

---

⁵ Журнал как некая сверхиндивидуальная, самостоятельная литературная форма представлен в недавней работе: *Зыкова Г. В. Поэтика русского журнала 1830–1870-х гг. М., 2005.*

качество на журнал. Четче всего это выражено в рецензии на три книги «Антон Иванович Пошехнин», «Череп Святослава, дума» и «Святки» (1855): «Но зачем печатать дурное стихотворение? Если цель журналов состоит в том, чтоб распространять в большинстве настоящие понятия об искусстве и очищать вкус (а в чем же она у нас и может еще состоять?..), то с этой точки зрения всякое плохое стихотворение, появляющееся в журнале, которого мнение имеет кредит, противоречит его цели. Давая место в вашем журнале слабому стихотворению и таким образом поддерживая его кредитом вашего мнения, вы вводите в недоумение и можете сбить с толку тех из ваших читателей, у которых вкус недостаточно развит, кто не доверяет собственному суду или вовсе лишен самостоятельного взгляда. Иное дело проза: там многое извиняет необходимость; но какая необходимость печатать плохое стихотворение в несколько строк, не наполняющее и страницы? Да, я решительно такого мнения, что журнал должен печатать только хорошие стихотворения; исключение допускается в одном случае: если стихотворение принадлежит автору, которого имя известно; в таком случае это имя само отвечает за достоинство стихотворения, а журнал не лишен права впоследствии высказывать о нем свое мнение» (11, 2, 114–115). В статье «Заметки о журналах за ноябрь 1855 года» встречается очень показательное признание устарелости самой журнальной формы круговой поруки, коллектива анонимных авторов: «Неужели после честного и откровенного сознания в негодности системы снова возвратиться к ней? бранить чужих, хвалить своих, снова пустить в ход фигуры умолчания, уклончивости, задавая читателю шарады там, где он требует дела, и постепенно дойти опять до перечисления опечаток, переборки старых фельетонов и доброжелательных намеков, что у такого-то журнала не хватает денег на расплату с сотрудниками, тогда как у другого сундуки ломятся от золота? <...> Это средство — выставлять имя под журнальными обзорами и всякими критическими и полемическими статьями» (11, 2, 209). Естественный вывод в этой статье: «Вот почему важна подпись имен. Она важна и в другом отношении. Публика наша никогда не отдавала своей симпатии журналу без того, чтоб эта симпатия не выразилась определенно в сочувствии к тому или другому лицу, действующему в журнале» (11, 2, 210). В статье «Заметки о журналах за март 1856 года» Некрасову приходится делать уточнение: «Недостатки произведения нимало не относятся к журналу — это уже вина самого автора» (11, 2, 248).

Индивидуальный поэтический сборник, по мнению Некрасова, выгодно отличается от журнала во многих отношениях. Здесь полностью все зависит от самого автора. В своем собственном сборнике поэт не может поза-

имствовать ничью репутацию, воспользоваться чужим кредитом. Он сам вступает в борьбу за имя, славу и деньги. Об этом говорится в некрасовской рецензии 1855 года на «Антоня Иваныча Пошехнина», «Череп Святослава, дума» и «Святки» (1855): «Иное дело отдельные книги стихов — за них никто не отвечает перед публикой, кроме авторов...» (11, 2, 115). Отсюда и робость поэтов перед изданием собственных сборников, на которую указывает Некрасов в рецензии на «Дамский альбом...»: «У нас издание книги посредственных стихов — дело убыточное и даже бросающее на автора какую-то нелестную тень... И с некоторых пор подобные книги вовсе вывелись <...> Этого не могла сделать одна критика. Критика преследует же дюжинные французские романы, но они все-таки выходят. Причины этого лежат в самой публике...» (11, 2, 105).

Журнал, однако, плох, с точки зрения Некрасова, и в другом, прямо противоположном смысле. Он мешает авторам с именем, авторам, безусловно, оригинальным, самобытным в полной мере показать читателю свое лицо, поскольку стихи его оказываются рассеяны по разным книжкам журнала. Поэтому издавать стихи отдельными сборниками полезно и поэтам известным, утверждает Некрасов в рецензии на «Стихотворения Я.П. Полонского» (1855): «Составилась довольно объемистая книга (в 200 с лишком страниц), — книга, изданная изящно, как и следует издавать стихи — этот изящнейший род произведений словесности. Мы смело рекомендуем эту прекрасную и по наружности, и по содержанию книгу вниманию наших читателей, которые давно знают г. Полонского как поэта даровитого. Для тех же, кому в деле литературы необходим авторитет, напомним, что талант г. Полонского как поэта был признан уже давно, при самом начале его поприща, тем замечательным русским критиком, который редко ошибался в своих литературных приговорах...» (11, 2, 136–137). То же самое полезно и А. А. Фету. В статье «Заметки о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года» Некрасов пишет о готовящемся сборнике его стихотворений: «В заключение сообщим литературную новость. В конце февраля или начале марта появится роскошное — в полном смысле слова — издание “Стихотворений” А. А. Фета. В состав его войдут только лучшие пьесы, окончательно и строго пересмотренные. Только по выходе издания, таким образом отделанного, публика увидит, какого поэта в г. Фете имеет современная русская литература» (11, 2, 233).

Подобной логикой, примененной вполне закономерно и к прозаикам, мотивировалось и составленное Некрасовым «Обязательное соглашение»⁸ с наиболее важными для журнала авторами, превращавшее «Современник» в подобие клуба для наиболее талантливых и популярных у публи-

ки писателей. Позволим себе большую цитату из объявления «Об издании «Современника» в 1857 году», в котором об этом соглашении сообщалось подписчикам:

...Оставаясь неизменным по своему направлению, сохраняя прежнюю редакцию и прежних сотрудников, «Современник» вошел с некоторыми из известнейших наших писателей в обязательное соглашение, которое дает ему возможность занять в литературе новое положение, заслуживающее внимания читателей.

Увеличивающееся число литературных журналов заставило некоторых писателей наших подумать о том, что, раздробляя свою деятельность на участие в нескольких периодических изданиях, литератор подвергает себя неудобствам, которые сильно чувствуются и публикою, если его произведения интересуют ее. Неудобства эти очевидны. Назовем одно из них, быть может, самое важное. Тому, кто не имеет времени или средств постоянно читать многих журналов, трудно бывает следить за произведениями любимого им автора, когда они рассеяны в разных изданиях; еще затруднительнее в таком случае читателю пересмотреть для возобновления прежних впечатлений или для проверки своего мнения все произведения известного писателя. Но если это неудобство тяжело для читателя, то еще ощутительнее невыгодные его следствия для писателя: он чувствует потребность знать мнение публики о своей литературной деятельности, а образование этого общественного мнения затрудняется обстоятельством, на которое указано выше. Редакция «Современника», всегда сознававшая, что успех журнала и сопряженное с ним увеличение его материальных средств принадлежит не столько ей, сколько писателям, полезное и неизменное содействие которых приобретает журналу внимание и сочувствие публики, изъявила с своей стороны полную готовность сделать все от нее зависящее для устранения означенных неудобств» (13, 1, 142–143).

Подобная же «нежурнальная» мотивация приводится Некрасовым в объявлении об издании сборников «Для легкого чтения» (1856): «Произведения (далее перечислены практически те же авторы, что и в объявлении «Об издании «Современника» в 1857 году». — М. М.), будучи однажды на-

---

⁶ Об истории «Обязательного соглашения» см.: Макашин С. Ликвидация «Обязательного соглашения». Из истории «Современника» конца 1850-х годов // Литературное наследство. Т. 53–54. Н. А. Некрасов. III. М., 1949.

печатаны, без сомнения, не теряют еще своей цены для публики, но доступ к этим произведениям, рассеянным в журналах и сборниках многих годов, делается для нас затруднителен, дорог, а иногда и вовсе невозможен. Цель издания «Для легкого чтения» — устранить это затруднение» (13, 1, 140).

Требования оригинальности поэтической манеры и индивидуальной формы ее предъявления, публикации поэтической продукции, в середине 50-х годов имели под собой не только «теоретическую» подоплеку. Это время, как хорошо известно, характеризуется серьезным кризисом внутри «Современника», когда установившаяся конструкция, описанная нами в предыдущей главе, основанная на кредите, доверии, взаимных дружески-финансовых обязательствах, начала распадаться, заменяясь разногласиями, взаимным недоверием. Соглашение, предложенное Некрасовым, было попыткой установить новый принцип взаимоотношений издателя с авторами, учитывающий и необходимость журнала для писателей, и необходимость писателей для журнала. Это время и финансового кризиса, в 1854 году поставившего «Современник» на грань краха в результате заранее безнадежно проигранной конкуренции с газетами. Об этом кризисе Некрасов точно и откровенно говорит в письме М. В. Белинской от 26 апреля 1854 года: «Ныне для нас самый тяжелый год — у нас убыло до 600 подписчиков вследствие усиленного расхода политических газет» (14, 1, 187). Этим кризисом вызвано прошение управляющему III Отделением о разрешении обзора политических событий в «Современнике» (11 марта 1854): «В настоящее время все внимание читающей публики в России поглощено политическими событиями. Журнал, наполняемый исключительно статьями литературного содержания, утратил почти весь свой интерес, и мы полагаем неуместным теперь наполнение журнала переводными повестями и романами» (13, 2, 144). То же содержится в прошении министру народного просвещения о разрешении отдела «Военных и политических известий» в «Современнике» (24 марта 1854): «Постепенное расширение круга значения этих событий, естественно, ведет более и более публику к совершенному равнодушию к произведениям чисто литературным» (13, 2, 145). Появление политических событий, интересующих публику, требующих оперативного отклика, тоже ставит под сомнение журнала как формы, адекватной запросам времени.

Таким образом, по Некрасову, необходимость эмансипироваться от журнала, как от формы, неадекватной современной литературе и запросам публики, и представлять свои стихотворения именно в виде сборника назрела. Однако для того чтобы книга стихов имела успех, необходимы, по Некрасову, во-первых, «идеалистическая» публика, не погруженная

в мир прагматических интересов, во-вторых, оригинальность манеры, поэтическая индивидуальность, в-третьих, яркость личности поэта. Наличие такой конъюнктуры должно было послужить причиной для издания его собственного сборника.

3

Прежде всего, в середине 50-х годов Некрасову кажется, что новый идеалистический читатель, способный воспринимать и ценить идеалистическую литературу — поэзию — появился. Таковой выглядит молодежь, с которой Некрасов связывает надежды на будущее русской литературы и на улучшение ее современного состояния. Современной эпохой ей приписываются идеализм, бесстрашие, бескорыстная любовь к истине. В статье «Заметки о журналах за июль месяц 1855 года» Некрасов размышляет: «Что могут дать все эти повести, рецензии, фельетоны молодым и горячим юношам, только что начинающим жить и читать, юношам, которые видят в книге, в журнале совсем не то, что видим теперь мы; которые, подобно нам, читают все эти повести и фельетоны, но не так скоро забывают их, как забываем мы? Вспомните, какое впечатление производили на вас книги в лета отрочества и юности и скольким вы сами обязаны книгам, — и вы, может быть, разделите с нами боязнь, что теперешней литературе готовится в будущем тяжкий и справедливый упрек. Кто не знает и не повторяет, что русская литература с давних времен шла всегда впереди общества, отличалась постоянно, так сказать, характером воспитательным? <...> Но мы желали бы спросить: что представляет собой литература настоящей минуты с точки зрения, как мы выразились, воспитательной? Не совсем приятно отвечать на этот вопрос. Известно, что русское общество в своих наиболее развитых представителях начало с некоторого времени усваивать себе характер так называемой положительности в отличие тому романтическому настроению, которым отличалось оно еще в не весьма давние времена. <...> Кто не встречал теперь в обществе людей молодых, умных, образованных, в высшей степени приличных, для которых <...> по-видимому, решены уже все вопросы жизни, которые говорят всегда умно, и никогда глупо, касаясь до всего слегка, не возмущаются никаким злом, сознавая <...> что оно неизбежно и неисправимо...» (11, 2, 142–143). Эта «положительность» устарела, необходимо обновление литературы за счет обращения к молодежи. В статье «Заметки о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года» Некрасов хвалит «Севастополь в августе 1855 года» Л. Н. Толстого в том числе и за тему молодости, введенную в него начинающим писателем: «В самой

мысли провести ощущения последних дней Севастополя и показать их читателю сквозь призму молодой, благородной, младенчески прекрасной души, не успевшей еще засориться дрянью жизни, видим мы тот поэтический такт, который дается только художникам» (11, 2, 223).

В уже не раз цитировавшейся нами статье «Заметки о журналах за июль месяц 1855 года» из всего лишь компиляции под названием «Об опеке и попечительстве» Некрасов необычайно сочувственно цитирует фрагмент, содержащий, в том числе, и такие утверждения: «Скучно то, что пусто, что мелко, в чем нет ни смысла, ни человеческого значения: скучно ничего не делать по утрам, играть в карты по вечерам, ездить в гости к соседу, с которым у нас нет ничего общего, кроме разговора о погоде, скучно не иметь в жизни человеческого интереса, скучно растратить свою жизнь на мелочи, на пустяки, на вздор; но прочесть книгу, в которой изложены наши обязанности в отношении к обществу, не должно быть и не может быть скучно для благородного человека» (11, 2, 144–145). Комментарий Некрасова таков: «Вот голос, какого мы давно не слыхали в наших рецензиях и фельетонах и который желали бы слышать в них как можно чаще!» (11, 2, 145). Рецензент продолжает: «Даже защищая идеальные стороны человеческой природы против так называемых фактов, против фактического воспитания, стремящегося к подавлению их, Диккенс счел нужным привести положительную, материальную причину, почему сохранение нежных стремлений сердца необходимо для человечества <...> Словом, во всем и везде — практичность, осязаемая польза, доказательство фактическое. Это в своем роде прекрасно и дельно, но есть нечто неотразимо обаятельное в том вольном, безотчетном и бескорыстном стремлении к идеалу, к неуловимому, неопределенному, возвышенно и недостижимо прекрасному, — стремлении, которым проникнут названный нами роман французской писательницы!» (11, 2, 147–148). Об этом же Некрасов говорит в обзоре «Заметки о журналах за сентябрь 1855 года»: «Литература не должна наклоняться в уровень с обществом в его темных и сомнительных явлениях. Во что бы ни стало, при каких бы обстоятельствах ни было, она должна ни на шаг не отступать от своей цели — возвысить общество до своего идеала, — идеала добра, света и истины» (11, 2, 178).

Для того чтобы увидеть и понять нового молодого и идеалистического читателя, Некрасову, очевидно, не нужно было ходить далеко. В книге «Некрасов» (1905) А. Н. Пыпин так пишет о решении Некрасова предпочесть Чернышевского и Добролюбова прежним сотрудникам «Современника»: «Но то, что было чуждо или нелюбопытно старым друзьям, было Некрасову

вполне понятно, — и нетрудно было человеку, несколько восприимчивому к общественным вопросам, понять, в годы кризиса Крымской войны, общественное возбуждение; понять, что оно должно было быть тем сильнее в поколении молодых, всегда наклонных к идеализму и еще не успевших зачерстветь в рутине себялюбия и самодовольстве. Некрасов сумел понять идеалистическое настроение, представителями которого были два новых сотрудника журнала⁷. В Чернышевском Некрасов действительно выделяет именно молодость, делающую его ближе и понятнее новому читателю. В письме Толстому от 22 июля 1856 года Некрасов возражает писателю на его не дошедшие до нас нелестные замечания в адрес Чернышевского: «Особенно мне досадно, что Вы так браните Чернышевского. Нельзя, чтоб все люди созданы на нашу колодку. И коли в человеке есть что хорошее, то во имя этого хорошего не надо спешить произносить ему приговор за то, что в нем дурно или кажется дурным. Не надо также забывать, что он очень молод, моложе всех нас, кроме Вас разве» (14, 2, 24). Чернышевский и Добролюбов для Некрасова воплотили молодость и идеализм, проявившиеся в том числе в их любви к его поэзии без «направления»⁸. Отсюда упорное игнорирование в некрасовских стихах, посвященных его радикальным сотрудникам, всего их «разумного эгоизма»⁹. Разглядеть же в них идеализм, точнее, именно идеализм вывести в них на первый план позволило Некрасову его специфическое поэтико-экономическое чутье, ориентация на читателя, умение видеть, так сказать, сущность его запроса. Однако здесь нельзя говорить только и просто о холодном расчете со стороны поэта. Для Некрасова молодая радикально настроенная аудитория оказалась близкой именно потому, что оправдание идеализма для него означало оправдание поэзии как таковой, давало ей право на существование.

---

⁷ Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 122.

⁸ Ср. знаменитые признания Чернышевского в письме 5 ноября 1856 года: «На меня Ваши пьесы без тенденции производят сильнейшее впечатление, нежели пьесы с тенденциею.

Когда из мрака заблужденья...

Давно — отвергнутый тобою...

Я посетил твоё кладбище...

Ах ты, страсть роковая, бесплодная...

И т. п. буквально заставляют меня рыдать, чего не в состоянии сделать никакая тенденция» (Переписка Некрасова: В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 306).

⁹ Например, в «Памяти Добролюбова» (1864) или «Пророке» (1874).

Такая аудитория снижала требования к одаренности поэта, узнаваемости и оригинальности его таланта. В статье «Заметки о журналах за февраль 1856 года» есть размышления такого рода: «Нет сомнения, когда явится это желанное солнце, этот будущий великий русский поэт, подобный тем, которые делают эпохи в литературе и истории развития своего народа, — нет сомнения, тогда многое из производимого теперь потускнеет или представится в другом свете; но от того не умалятся заслуги теперешних русских писателей, — тех писателей, которые твердо держали светоч Знания, Истины и Добра среди сумерек, не освещенных лучезарным сиянием гения... Итак, читатель, не требуя от русской литературы того, чего она дать не может, оцените в ней два неоспоримые ее качества: *Даровитость*, часто блестящую, и *Честность* стремлений, изумительную, если о ней пристально подумать — и полюбите ее...» (11, 2, 235). Честность же стремлений подтверждается присущим поэзии бескорыстием: «Много доброго, много прекрасного сделает русская литература, много уже сделавшая, издавна игравшая и играющая такую важную роль в развитии нашего отечества, которое дорого каждому русскому и еще дороже должно быть каждому литератору, по самой сущности его цели, чуждой материального результата...» (11, 2, 234).

Новый читатель создал запрос на поэзию, позволивший преодолеть многим поэтам страх перед изданием поэтических сборников, как утверждается в рецензии Некрасова 1855 года на «Антоня Иваныча Пошехнина», «Череп Святослава», «Святки»: «Авторы, ободренные возникшей модой на стихи, может быть, столько же, как и уверенностью в своих дарованиях, сделались опять довольно смелы, и мы чаще и чаще видим появление отдельных книжек стихотворений с неизвестными, начинающимися именами» (11, 2, 115).

Однако эта новая аудитория не просто готова заинтересоваться поэзией. Ее идеализм — это идеализм определенного типа, подразумевающий не только бескорыстие, но и готовность к подвигу, к самоотвержению. И от поэзии она требует дидактики, воспевания такого подвига¹⁰. Есть ли в поэзии самого Некрасова то, что требует новая публика, молодой читатель, то есть идеализм, высокие поучения? Очевидно, что этого практически нет. Даже

¹⁰ Ср., например, любовь Добролюбова к одному из самых дидактических некрасовских стихотворений «Песня Еремущке», выраженную им в письме И. И. Бордюгову 20 сентября 1859 года: «Помни и люби эти стихи: они дидактичны, если хочешь, но идут прямо к молодому сердцу, не совсем еще погрязшему в тине пошлости» (Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М.; Л., 1964. С. 385).

в последние годы жизни Некрасов будет характеризовать свою раннюю поэзию, как отрицающую, скептическую. Так он утверждает в автобиографическом фрагменте 1872 года «Я родился в 1822 году»: «Я сблизился с Белинским. Принялся немного за стихи. Приношу к нему около 44 года стихотворение “Родина”, написано было только начало. Белинский пришел в восторг, ему понравились задатки отрицания и вообще зарождение тех мыслей, которые получили свое развитие в дальнейших моих стихах. Он убеждал продолжать» (13, 2, 48). Еще в конце 40-х годов Некрасов в духе позднего Белинского выражал презрение к «идеальным» юношам в рецензии на три поэтически книжки «Москва, поэма в лицах и действии, в 5-ти частях, Н. В. Сушкова», «Слава о вещем Олеге, соч. Д. Минаева» и «Страшный гость. Литовская поэма, взятая из народных поверий» (1847): «Еще не очень давно в русском государстве, богатом всякими дивами, на каждом шагу попадались юноши, которых в наше время зовут вообще романтиками, — идеальные юноши» (11, 2, 8). Далее вполне в духе Тихона Тростникова он иронизирует над высокими идеалами. Достаточно вспомнить требование дельности и гуманизма, но без «идеальничанья», выдвигавшееся Белинским и принятое Некрасовым-издателем и Некрасовым-поэтом, чтобы понять, насколько некрасовская лирика не соответствовала такому читательскому запросу¹¹.

Не менее сложно было и с человеческой индивидуальностью, судьбой самого поэта. И к ней тоже предъявлялись новой публикой требования уже не просто оригинальности, но жертвенности, настоящего героизма¹². Для поэта такой запрос публики тоже оказался крайне внятным. Об озабоченности Некрасова этой проблемой говорит неожиданно возникшее у него желание писать автобиографию. В письме Тургеневу 30 июня–1 июля 1855 года (через короткое время после передачи прав на издание сборника К. Т. Солдатенкову) он неожиданно заявляет: «Мне пришло в голову писать для печати, но не при жизни моей, свою биографию, т. е. нечто вроде признаний или записок о моей жизни — в довольно обширном размере.

---

¹¹ Стихотворений, которые могли бы быть охарактеризованы как «идеалистические» в этом смысле, в сборнике 56 года крайне мало. Можно таковыми назвать, пожалуй, только «Блажен незлобивый поэт...» (1852), «Когда из мрака заблужденья...» (1845) и, естественно, «Поэт и гражданин» (1856).

¹² Это время совпало с возвращением с каторги и ссылки героев и мучеников — декабристов, петрашевцев. См. об этом: *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 177–178.

— Скажи: не слишком ли это — так сказать — самолюбиво? Впрочем, я думаю прислать тебе начало: тогда ты лучше увидишь, может ли это быть пригодно...» (14, 1, 204). Этот замысел не был осуществлен, но само возникновение его во время подготовки к печати собственной книги стихов очень показательно. Для Некрасова выступление со сборником неизбежно должно было быть связано с утверждением значительности собственной биографии и личности. Однако автобиография не понадобилась. Эти проблемы поэт сумел разрешить, не прибегая к опубликованию фактов личной жизни.

Замысел издать сборник возникает, вероятно, в начале 1855 года¹³. В частности, какие-то предварительные разговоры о нем отразились в письме Тургенева Некрасову 29 апреля 1855 года: «Комната твоя здесь тебе готова, и, если бы ты вздумал приехать сюда, пока охота еще не началась, очень бы ты меня обрадовал <...> Ты бы здесь приготовил собрание твоих стихотворений к печати, которое непременно надо издать зимой».¹⁴ Оформился проект несколько позже, в конце мая 1855 года, в то время, когда Некрасов жил на даче В. П. Боткина¹⁵. Именно общение с этим критиком, судя по всему, укрепило Некрасова в мысли издать сборник стихотворений и сняло его возможные сомнения в наличии у него качеств, необходимых для успеха у молодого идеалистического читателя. Дело, по нашему мнению, не столько в том, что Боткин поощрял Некрасова на это предприятие (а позднее выражал желание самому стать издателем книги¹⁶). Дело в том, что именно в это время критик занимается переводом трактата Томаса Карлейля «О героях и героическом в истории» (1841) (несколько глав из этого труда в боткинском переводе было напечатано в конце 1855 года, в № 10 «Современника» и в № 1, 2 в 1856 году). При степени близости, существовавшей в это время между поэтом и критиком¹⁷, невозможно предположить, что так или иначе эта работа не обсуждалась ими. Именно знакомство

---

¹³ Известная фактическая сторона подготовки и реализации этого проекта изложена подробно в: *Подольская И. И.* Первая книга // Н.А. Некрасов. Стихотворения. М., 1988. С. 337–352.

¹⁴ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Письма. Т. 3. М., 1987. С. 23.

¹⁵ Договор Некрасова с Солдатенковым на его издание был заключен 11 июня 1855 года.

¹⁶ Эта история подробно прослеживается в работе Подольской Н. И.

(в пересказе Боткина) с трактатом Карлейля позволило Некрасову решить стоящие перед ним проблемы.

На воздействие Карлейля на Некрасова указывалось в научной литературе, прежде всего, Ю. В. Лебедевым, в частности, писавшим: «На этой же почве (вере в царя-освободителя. — *М. М.*) в сущности, выросла поэзия Некрасова культ героической личности... Некрасов высоко ценил, например, переведенную на русский язык В. П. Боткиным работу английского философа Т. Карлейля "Герои и героическое в истории" <...> очевидно, Некрасову в какой-то мере импонировала "новая религия" Карлейля, основанная на культе героев»¹⁸. Однако сказанного, конечно, крайне мало, поскольку влияние Карлейля на Некрасова представляется существенно более значительным и глубоким. О большой заинтересованности Некрасова работой Боткина и высокой оценке переводимой им книги свидетельствует положительный отзыв на нее, данный Некрасовым в «Современнике» в статье «Заметки о журналах за октябрь 1855 года». В книге Карлейля он видит «...прозу, приближающуюся к поэзии более, чем множество стихотворных произведений. Сила и глубина мысли при лирической стремительности, картинности выражения — вот достоинства Карлейля в подлиннике; они перешли и в перевод» (11, 2, 203). Здесь важно, конечно, что Некрасов увидел в Карлейле поэта, но не в том смысле, что английский мыслитель оказал формальное влияние на его стихи. Скорее, дело в том, что Некрасов отнесся к его труду как к труду собрата по поэтическому цеху, а не философа. Что должно было привлечь внимание русского поэта к работе английского мыслителя?

Прежде всего, Карлейль провозглашает решающую роль в истории яркой, сильной личности: «Всемирная история, история того, что человек совершил в этом мире, есть, по моему разумению, в сущности, история великих людей, потрудившихся здесь, на земле. Они, эти великие люди, были вождями человечества, воспитателями, образцами и, в широком смысле, творцами всего того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить, чего она хотела достигнуть»¹⁹. Важно для Некрасова то, что Карлейль включает в ряды героев и писателей²⁰. Писатель тоже может быть героем, если, конечно, он делает то, к чему его призывает профессиональный долг. Глав-

---

¹⁷ Эта близость проявилась в том числе в совместной работе над обзорами текущих журналов в «Современнике» в 1855–1856 годах.

¹⁸ Лебедев Ю. В. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Некрасов // Лебедев Ю. В. В середине века. М. 1988. С. 156.

¹⁹ Карлейль Т. Теперь и прежде. М., 1994. С. 6.

ная задача писателя, равняющая его с героем, совершающим мужественные поступки, по определению Карлейля, следующая: «Писатель-герой высказывает, как умеет, свою вдохновенную душу, что может вообще делать всякий человек, при каких угодно обстоятельствах. Я говорю вдохновенную, ибо то, что мы называем “оригинальностью”, гением, одним словом, дарованием героя, для которого мы не имеем надлежащего названия, означает именно вдохновенность»²¹. Эта «оригинальность», как свойство одновременно гениального и героического, была вполне созвучна собственным некрасовским мыслям, о которых говорилось выше.

Писатель-герой, специфическая фигура, появляется, по мнению Карлейля, в XVIII веке, веке скептицизма: «Скептицизм означает не только умственное сомнение, но и нравственное; он означает всякого рода неверие, неискренность духовный паралич»²². Этот мир утрачивает веру в истину и искренность. Способность быть искренним в ту эпоху, когда в нее никто не верит и никто на нее не способен, порождают этого нового героя — писателя, в терминологии английского мыслителя. Среди таких новых героев шотландский поэт Роберт Бернс: «Еще раз среди этих второстепенных фигурантов XVIII века, гаеров в большинстве случаев, появляется исполнский оригинальный человек, один из тех, кто проникает в вечные глубины, кто занимает место в ряду героических людей»²³.

Именно книгой Карлейля, как кажется, спровоцирован неожиданный интерес Некрасова к поэзии Бернса, возникший в 1855 году. Он пишет Тургеневу (30 июня — 1 июля 1855 года): «И вот еще к тебе просьба: у меня явилось какое-то болезненное желание познакомиться хоть немного с Бернсом, ты когда-то им занимался, даже хотел писать о нем: вероятно, тебе нетрудно будет перевести для меня одну или две пьесы прозой (по своему выбору). Приложи и размер подлинника, означив его каким-нибудь русским стихом (ибо я далее ямба в размерах ничего не понимаю) — я, может быть, попробую переложить в стихи. Пожалуйста, потешь меня, хоть страничку пришли на первый раз» (14, 1, 204–205). Затем в письме Дружинину (6 августа 1855 года) снова появляется имя британского поэта: «Тургенев,

---

²⁰ Глава о писателе как герое переведена и опубликована не была, однако представляется крайне вероятным знакомство Некрасова и с этой главой трактата Карлейля из разговоров с Боткиным.

²¹ *Карлейль Т.* Теперь и прежде. С. 127.

²² Там же. С. 138.

²³ Там же. С. 153.

спасибо ему, взялся мне переводить из Бернса» (14, 1, 210). Эта вспышка интереса к Бернсу (быстро, кстати, исчезнувшего и не приведшего ни к каким результатам) остается необъясненной в некрасоведении. Ю. Д. Левин связывает интерес к Бернсу с проявленным Некрасовым в письме И. С. Тургеневу 30 июня–1 июля 1855 года общим интересом к зарубежной поэзии: «У Некрасова возникла мысль самому перевести стихи двух английских поэтов — Бернса и Крабба. Нет сомнения, что его привлекла демократическая направленность творчества обоих поэтов, их ярко выраженный реализм»²⁴. Реализм, вероятно, можно было найти у разных поэтов. На самом деле, Некрасову, очевидно, импонировал и, видимо, переносился отчасти на себя образ Бернса, созданный Карлейлем, образ поэта-героя, который «переносил изо дня в день массу тяжелых страданий, вел борьбу, как незримый герой...»²⁵ И суть героизма Бернса также могла переноситься Некрасовым на свою собственную поэзию: «Отличительную особенность Бернса как великого человека, повторяем еще раз, составляет его искренность, искренность как в поэзии, так и в жизни. В песне, которую он поет, нет фантастических вымыслов; она касается всеми осязаемых, реальных предметов; главное достоинство этой песни, как и всех его произведений, как и его жизни вообще — истина. Жизнь Бернса мы можем охарактеризовать как воплощение великой трагической искренности»²⁶.

Искренность как своего рода героизм поэта, вероятно, выдвигалась на первый план и переводчиком Карлейля. В письме И. С. Тургеневу (июль 1855 года), в котором он рассказывает в том числе и о совместной с Некрасовым жизни на даче, Боткин пишет: «Ты словно кокетничаешь с своим талантом и боишься быть самим собой. От этого в произведениях твоих — так мало чувствуется личности автора. Подумай: ведь ты не высказал и сотой доли того, что проходит в душе твоей! И неистощимое богатство твоей натуры — увы! — услаждает только одних близких к тебе. Не бойся раскрыть свою душу и стать перед читателем лицом к лицу. Брось все теоретические личности, которыми ты любишь прикрывать себя: следуй движениям своего сердца без робости и осмотрительности. Wage Du zu irren und zu Traumen!»²⁷ Существенно позднее, но очень последовательно, Боткин хвалит тургеневского «Фауста» именно за искренность (в письме Тургеневу от

---

²⁴ Левин Ю. Д. Некрасов и английский поэт Крабб // Некрасовский сборник. II. М.; Л., 1956. С. 475.

²⁵ Карлейль Т. Теперь и прежде. С. 153.

²⁶ Там же. С. 156.

10 ноября 1856 года): «Весь успех (повести «Фауст». — М. М.) на стороне природы твоей, на симпатичности рассказа, на общем созерцании, на поэзии чувства, на искренности <...> Вот тебе лучшее доказательство, какое великое дело искренность в искусстве. Люди охотно простят все недостатки и ошибки за возбужденную в них симпатию»²⁸. В конце этого письма Боткин высоко оценивает недавно вышедшую статью А. Григорьева: «Ап. Григорьев напечатал в 3 книжке “Русской беседы” длиннейшую статью “об искренности в искусстве”, которую поймут едва ли 10 человек, а в ней есть много дельного и хорошего. А много и пустого»²⁹.

Карлейль позволяет представить стихи, построенные на отрицании, как специфическое проявление идеализма и одновременно приравнивает создание и публикацию таких стихов в эпоху отсутствия идеалов, цинизма и презрения к истине к героическому гражданскому поступку. Поступком, по Карлейлю, является сама поэзия, становящаяся настоящей героической биографией поэта. И это обуславливает, на наш взгляд, решение Некрасова заменить настоящую автобиографию ее поэтическим эквивалентом, поэтическим манифестом. Вместо автобиографии он пишет стихотворение «Поэт и гражданин» и им предваряет сборник³⁰. Это стихотворение в полном смысле слова является введением в сборник. Оно описывает буквально все современные требования к поэту, представляет все связанные с из-

---

²⁷ Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 355.

²⁸ Там же. С. 370.

²⁹ Там же. С. 372. Стоит обратить внимание на перспективность вопроса о воздействии книги Карлейля на Ап. Григорьева. Эта искренность, о которой он много говорит, выглядит как заимствованная именно у английского философа. Вероятно, Григорьев воспринял Карлейля как бы «через Шеллинга». В одной из последних статей («Парадоксы органической критики» (1864)) Григорьев называет его «светозарным отражением лучей Шеллингова гения на английской почве» (*Григорьев А. А. Эстетика и критика. М., 1980. С. 162*).

³⁰ Замысел стихотворения и первые его наброски появляются у Некрасова как раз в мае 1855 года, во время пребывания в гостях у Боткина. Однако письмо Тургеневу, в котором Некрасов говорит о желании создать автобиографию, написано в самом конце июня того же года. Очевидно, эти два замысла существовали вместе, и поэт некоторое время колебался в выборе между двумя способами ввести свою личность в сборник.

данием сборника проблемы и их разрешает.

В «Поэте и гражданине» есть и размышление о невысокой степени поэтического таланта, компенсируемой благородностью задачи, которую ставил перед собой поэт:

...Заметен ты,
Но так без солнца звезды видны.
В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо,
Когда свободно рыщет зверь,
А человек бредет пугливо, —
Ты твердо светоч свой держал,
Но небу было неуютно,
Чтоб он под бурей запылал,
Путь освещая всенародно;
Дрожащей искрою впотьмах
Он чуть горел, мигал, метался.
Моли, чтоб солнца он дождался
И потонул в его лучах! (2, 7)

Есть и запрос на «идеалистическую» литературу, предъявляемый Гражданином, как это ни странно, оказывающимся любителем поэзии:

Будь гражданин! служа искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви;
И если ты богат дарами,
Их выставлять не хлопочи:
В твоём труде заблещут сами
Их животворные лучи (2, 9).

Представлено и отрицание корысти, стяжательства, ложной мудрости:

Их цель мелка, их жизнь пуста.
Одни — стяжатели и воры,
Другие — сладкие певцы,
А третьи... третьи — мудрецы:

Их назначенье — разговоры (2, 8).

Есть и требование «идеализма» в жизни, бескорыстия, гражданственности и жертвенности:

Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди, и гибни безупречно.
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь... (2, 9)

Однако и Поэт (такой, каким он был раньше, пока его не покинула Муза) здесь фактически приравнивается к гражданину. Его героическим поступком была сама его поэзия, которая не поучала, но отрицала, показывала язвы. Особенно характерны следующие строчки:

Без отвращения, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил (2, 11).

Здесь в духе некрасовской предметности³¹ метафоры «шел» и «входил» приобретают почти буквальное значение: поэт как будто не «переносился воображением», не «изображал», а прямо шел в тюрьму, в больницу и на эшафот. Поэзия становится подвигом, подобным подвигу гражданина. И, совершенно как у карлейлевского Бернса, суть героизма поэта, превращавшая его стихи в поступки, вызывавшие ненависть врагов, заключалась в его искренности:

---

³¹ Об этом см.: *Чуковский К. И.* Кнута иссеченная муза // Чуковский К. И. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990; *Макеев М. С.* Поэзия Некрасова и идеология русской радикальной интеллигенции середины XIX века // К 60-летию профессора Анны Ивановны Журавлевой. М., 1998.

Не повторю, что там я видел...
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренно любил!
И что ж?.. мои послышав звуки,
Сочли их черной клеветой... (2, 11–12)

Стихотворение «Поэт и гражданин», открывавшее сборник как своего рода замена биографии автора, таким образом, переопределяло входящие в него стихотворения в духе карлейлевского героизма. Оно же и позволяло саму публикацию сборника, содержащего такие стихи, представить как сильный поступок, своего рода героизм, чреватый не коммерческим успехом, а опасными последствиями. Эта аура вокруг книги поддерживалась Некрасовым сознательно. Стоит, например, обратить внимание на демонстративно выражаемое поэтом недоверие к слухам о невероятном коммерческом успехе сборника в письме И. С. Тургеневу 25 ноября 1856 года из Рима: «Говорят, вышли мои стихи, и мне пишут, будто 500 экз<емпляров>, присланные в Петербург с первым транспортом, разошлись в два дня — это похоже на пуф» (14, 2, 39). Подобное сомнение звучит в письме тому же адресату 6 декабря 1856 года из Рима. Здесь Некрасов выражает свои чувства по поводу доходящих до него известий в таком духе: «О книге моей пишут чудеса, — голова могла бы закружиться» (14, 2, 41). Скорее издание сборника представляется им как что-то решительное и даже опасное, как дерзкий поступок, совершенный вопреки пошлому здравому смыслу и экономическому расчету. Отсюда тоже несколько преувеличенные опасения едва ли не ареста по возвращении в Россию, высказанные Некрасовым в письме И. С. Тургеневу 6 декабря: «Панаев не исправим, я это знал. Гроза могла миновать “Современник”, будь хоть ты там. Такие люди, как он, и трусят и храбрятся — все некстати. Я не меньше люблю “Современник” и себя или мою известность, — недаром же я не решился поместить «Поэта и гражд<анина>» в “Современнике”? Так нет! надо было похрабриться» (14, 2, 41).

Именно это стоит за словом «мальчишество», гордо употребленным по отношению к самому себе Некрасовым в письме Толстому, ставшем предметом для нашего комментария. Мальчишество Некрасова уподобляло «литературных друзей», «мудрецам» из «Поэта и гражданина». Его же самого оно сближало с другой категорией читателей, для которой это определение должно было звучать как похвала. Говоря об издании сборника как о мальчи-

шестве, Некрасов тем самым подчеркивает то новое качество, которое стремится теперь обрести его поэзия — быть молодой, понятной и близкой молодым. И эта молодость действительно была увидена и пришлась по душе этим новым читателям. В письме Некрасову от 5 ноября 1856 года Н. Г. Чернышевский затрагивает и эту тему, говоря о Некрасове как о человеке: «Все-таки очень мало юношей, которые сохранили бы такое чистое сердце, какое сохранилось у Вас, человека, испытавшего все излишества»³². С точки зрения Чернышевского, Некрасов еще молод, в некотором смысле, он поэт начинающий. Это утверждает критик в письме Некрасову от 24 сентября 1856 года: «Теперь о степени таланта. По моему мнению, Вы сделаете как гораздо больше, нежели до сих пор — Ваши силы еще только развиваются. Вы — как поэт — человек еще молодой. Что выйдет из Вас со временем, я не могу сказать, хотя имею основания предполагать разные приятные вещи»³³. И то же в письме от 5 ноября 1856 года: «Вы несомненно будете крепок и здоров, если сами будете хотеть того. Пожалуйста, постарайтесь укрепить свое здоровье, — оно нужно не для Вас одних. Вы теперь лучшая — можно сказать, единственная прекрасная — надежда нашей литературы»³⁴. Здесь, во всех этих признаниях, о которых Некрасов удивленно-презрительно написал Тургеневу в письме от 25 ноября 1856 года: «Что это, однако ж, за господин? Он очень умен, но пишет ко мне такие письма, из которых видно, что либо он сам глуп, либо почитает меня величайшим глупцом. Хотел бы я тебе показать, что он написал по поводу выхода моей книги» (14, 2, 40), его, судя по всему, должно было привлечь именно размышление о его собственной молодости, о своем будущем как поэта. Молодой читатель поверил в поэтическую и человеческую оригинальность и самобытность Некрасова. Заключительная часть анализируемого нами фрагмента письма Толстому, действительно, выглядит как цитата из письма Чернышевского Некрасову 24 сентября 1856 года: «Свобода поэзии не в том, чтобы писать именно пустяки, вроде чернокнижия или Фета, а в том, чтобы не стеснять своего дарования произвольными претензиями и писать о том, к чему лежит душа»³⁵.

Однако неправильно было бы закончить главу на такой патетической ноте. Издание «Стихотворений Н. Некрасова» опрометчивым и бескорыст-

---

³² Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 308.

³³ Там же. С. 299–300.

³⁴ Там же. С. 308–309.

³⁵ Там же. С. 298.

ным поступком, конечно, не было. Само решение предварить сборник декларациями в духе Карлейля вызвано, скорее всего, и тем, какой прием встретили боткинские переводы у читающей публики. Этот прием показал, что коммерческий успех героизму, опрометчивости и искренности, скорее всего, был обеспечен. В письме Боткину 24 ноября 1855 года Некрасов пишет: «Тургенев тоже что-то говорил — эта вещь (имеется в виду боткинский перевод Карлейля. — *М. М.*) точно шумит, и это показывает, что русскую публику еще можно расшевелить. Главное — статья много говорит молодому, не успевшему съежиться сердцу, а молодежь — мастерица трубить. С неё все начинается!» (14, 1, 235)